

Савчук Т. А.

Ограничение свободы передвижения и других прав личности при применении домашнего ареста, заключения под стражу, подписки о невыезде и надлежащем поведении

На основе анализа уголовно-процессуальных норм, данных следственной практики, результатов интервьюирования практических работников и научных взглядов рассматриваются особенности в ограничении свободы передвижения и реализации отдельных прав обвиняемого при применении к нему мер пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, домашнего ареста, заключения под стражу; сделаны выводы и предложения по оптимизации законодательства и практики применения названных мер пресечения.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности возможно только в случаях и порядке, установленных законом. Одним из таких случаев, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК), является применение к подозреваемому и обвиняемому (далее – обвиняемый) мер пресечения в целях обеспечения производства предварительного расследования и судебного разбирательства, а также исполнения приговора.

Самой востребованной на практике мерой пресечения является подписка о невыезде и надлежащем применении (в 2015 г. под ней находились 29 935 лиц, 62,3 %), второе место традиционно занимает заключение под стражу (в 2015 г. она избиралась к 13 447 лицам, 27,9 %). Домашний арест, хотя и имеет редкое использование на практике (в 2015 г. 527 обвиняемых, или 1,2 %, подвергались этой мере пресечения), в иерархии мер пресечения занимает второе место по степени строгости изоляции обвиняемого от общества, ограничивая его в свободе местонахождения и передвижения, уступая первенство заключению под стражу. Отметим, что домашний арест не всегда находит одобрение, поскольку одни специалисты отождествляют его с подпиской о невыезде и надлежащем поведении, называя домашний арест «квалифицированной формой» такой подписки [1, с. 10], другие понимают домашний арест как альтернативу заключению под стражу [2, с. 32; 3, с. 179] либо ее разновидность, но в условиях домашнего комфорта [4, с. 99], при котором лица подвергаются одинаковым ограничениям [5, с. 8]. Не разделяя приведенные позиции, отметим, что альтернатива – это «необходимость выбора между двумя или несколькими исключаящими друг друга возможностями» [6, с. 33], а домашний арест не может рассматриваться как альтернатива заключению под стражу в связи с одинаковой правовой регламентацией условий, порядка и сроков их применения. Кроме того, названные меры пресечения

принципиально отличаются по своей сущности, объему и характеру ограничений, которым подвергаются обвиняемые.

Так, заключение под стражу означает полную изоляцию обвиняемого от общества с помещением его в специальное закрытое учреждение с постоянным надзором и охраной, т. е. по степени физической изоляции обвиняемого данная мера пресечения является лишением свободы.

Домашний арест представляет собой частный случай такого лишения, выражающийся в ограничении свободы передвижения и местонахождения обвиняемого и отличающийся от лишения свободы объемом ограничений, которым подвергается домашне арестованный. Основное ограничение для обвиняемого при домашнем аресте состоит в запрете покидать место отбывания данной меры пресечения круглосуточно либо в определенное время. Таким ограничением достигается полная или частичная изоляция обвиняемого от общества посредством запрета выхода из жилища, что позволяет обеспечить надлежащее поведение лица в ходе производства по уголовному делу без помещения его в следственный изолятор. В связи с этим нельзя согласиться с авторами комментария к УПК, трактующими домашний арест как изоляцию лица от общества, состоящую в ограничении или лишении способности такого лица общаться с другими людьми [7, с. 331].

Отметим, что на практике следователи отдают предпочтение запрету выхода в определенное время, используя различные варианты: в 82,7 % исследованных нами случаев применения домашнего ареста устанавливался запрет выхода из жилища в определенное время, в 9,4 % – в вечернее (ночное) время суток. Такие подходы известны и зарубежной практике: например, во Франции лицо не вправе покидать дом в вечернее время суток и по воскресеньям; в Испании – по выходным дням; в США, если лицо добросовестно выполняет установленные правила, то ему может быть разрешен отъезд из дома на некоторое время, а для неработающих лиц устанавливаются часы, в течение которых они могут отсутствовать дома.

Частичная изоляция обвиняемого при домашнем аресте имеет свое преимущество, ведь при установлении запрета на выход из жилища круглосуточно обвиняемый не может работать, следовательно, лишается возможности обеспечивать свою жизнедеятельность, а в ряде случаев – и членов своей семьи. В свою очередь, заключенный под стражу получает питание, медицинскую помощь и материально-бытовое обеспечение за счет средств республиканского бюджета, а время, проведенное им в следственном изоляторе, учитывается при назначении пенсии, что не предусмотрено в отношении домашнего ареста. Применение домашнего

ареста и заключения под стражу сопровождается ограничением свободы обвиняемого на получение информации, но степень такого ограничения различна. Так, при домашнем аресте могут налагаться запреты на ведение телефонных переговоров, отправление корреспонденции и использование средств связи, общение с определенными лицами (п. 2, 3 ч. 2 ст. 125 УПК), что в значительной степени изолирует обвиняемого от внешнего мира и приводит к его «информационной изоляции» [1, с. 10]. А лица, содержащиеся под стражей, имеют право на свидания с близкими родственниками и членами семьи, получение посылок, передач, отправлений и получение денежных переводов, переписку без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем. Таким образом, сходство домашнего ареста и заключения под стражу состоит в изоляции обвиняемого от общества, а различие – в степени такой изоляции и объеме ограничений, которым он подвергается.

Полемизируя с авторами, предлагающими устанавливать запрет выхода из жилища круглосуточно в каждом случае применения домашнего ареста [8, с. 230], полагаем, что степень строгости режима изоляции обвиняемого может быть разной – от полного запрета покидать жилище либо выходить из него в строго определенное время до предоставления обвиняемому краткосрочных отлучек. Сходное понимание демонстрируют авторы комментария к УПК [7, с. 331–332] и опрошенные нами практические работники, 67,4 % которых считают необходимым устанавливать запрет выхода из жилища в определенное время. Такой подход соответствует трактовке домашнего ареста в Словаре по правам человека, где эта мера определяется как ограничение на свободу передвижения, при котором лицо не может покинуть дом, кроме случаев, когда это разрешено официально [9]. Вместе с тем конструкция п. 1 ч. 2 ст. 125 УПК вмещает в себя два взаимоисключающих варианта запрета выхода из жилища, что приводит к выводу о выделении их в обособленные нормы.

Домашний арест у отдельных авторов ассоциируется с подпиской о невыезде и надлежащем поведении в части ограничения свободы передвижения обвиняемого путем возложения на него обязанности не покидать место жительства без разрешения органов, ведущих уголовный процесс [10, с. 98]. По сложившейся традиции, орган уголовного преследования в постановлении о применении подписки о невыезде и надлежащем поведении и собственно подписке указывает адрес, по которому обвиняемый постоянно или временно проживает. Иными словами, при подписке о невыезде и надлежащем поведении обвиняемому запрещено покидать жилое помещение, в котором он проживает. Однако в этом случае данная мера пресечения трансформируется в дру-

гую – домашний арест. Данное заблуждение объяснимо, поскольку ст. 120 УПК не дает ответа на вопрос: означает ли подписка о невыезде и надлежащем поведении запрет выезда за пределы области, района, города или даже переезда с одной квартиры на другую в пределах одного и того же района?

Сказанное приводит к выводу, что законодательная конструкция ч. 1 ст. 120 УПК нуждается в корректировке: в ней должна идти речь не о постоянном или временном месте жительства обвиняемого, а о местности либо населенном пункте, в котором обвиняемый проживает. Это предложение согласуется с трактовкой «место жительства», уточненной в Указе Президента Республики Беларусь от 07.09.2007 г. № 413 «О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания», где под таковым понимается местонахождение (адрес) жилого помещения, право владения, распоряжения и (или) пользования которым возникло у гражданина по основаниям, установленным законодательными актами, и в котором он постоянно или преимущественно проживает.

Подписка о невыезде и надлежащем поведении подразумевает возложение обязанностей на обвиняемого не препятствовать расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде, являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс. Данные обязанности не имеют характера ограничения, первая из них тождественна основанию применения любой меры пресечения, а во втором случае речь идет о процессуальной обязанности обвиняемого, в том числе и того, к кому мера пресечения не применяется вообще. Никаких ограничений, в том числе по работе (учебе), режиму использования свободного времени, передвижению, местонахождению за пределами жилища, эта мера пресечения не предусматривает. Из этого видно, что подписка о невыезде и надлежащем поведении и домашний арест как меры пресечения имеют существенные отличия как по своей правовой природе, так и по ограничениям в свободе передвижения и других конституционных правах и свободах личности.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на некоторые внешне похожие черты, подписка о невыезде и надлежащем поведении, домашний арест и заключение под стражу являются самостоятельными мерами пресечения, имеющими свои особенности в условиях и порядке применения. Выказанные нами некоторые предложения направлены на устранение правовых пробелов в регламентации названных мер пресечения и станут дополнительной гарантией в реализации прав и законных интересов лиц, к которым такие меры применяются.

Список использованных источников

1. Колоколов, Н. А. Залог, домашний арест: становление практики (Статья 6) / Н. А. Колоколов // Рос. следователь. – 2011. – № 18. – С. 9–12.
2. Гуреев, С. В. Использование альтернатив предварительному заключению в Республике Беларусь / С. В. Гуреев // Альтернативы лишению свободы в системе уголовного правосудия Республики Беларусь: практика и перспективы : материалы Междунар. конф., Минск, 26–27 нояб. 2003 г. – Минск, 2003. – С. 31–39.
3. Обзор практики применения мер пресечения в виде личного поручительства, залога и домашнего ареста // Информ. бюлл. Прокуратуры Респ. Беларусь. – № 34. – Минск, 2006. – С. 175–186.
4. Гречишникова, О. С. Обеспечение прав обвиняемого и подозреваемого при применении процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О. С. Гречишникова. – М. : РГБ, 2003. – 209 л.
5. Шамсутдинова, Р. З. Нравственные основы применения мер уголовно-процессуального пресечения в состязательной модели уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р. З. Шамсутдинова. – Ижевск, 2006. – 22 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 1 : А–Й. – 1981. – 698 с.
7. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; учрежд. образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
8. Гридюшко, П. В. Проблемы механизма обеспечения меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном процессе Республики Беларусь / П. В. Гридюшко, В. В. Мелешко, М. А. Никитина // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; редкол.: Г. Н. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – Вып. 7. – С. 228–232.
9. Домашний арест (House-arrest) [Электронный ресурс] // Словарь по правам человека. – Режим доступа: <http://www.biometrica.tomsk.ru/ftp/dict/encyclo/5/housarre.htm>. – Дата доступа: 08.11.2017.
10. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам. – М. : Юрлитинформ, 2005. – 184 с.

Sauchuk T.

Restriction of freedom of movement and other human rights while applying house arrest, detention, restricted residence and a promise of proper behavior (translated by Volha Vasyuchkova)

The paper deals with the analysis of criminal procedural norms, investigative practice, practical workers interviews, scientific views on the restriction of the freedom of movement and other human rights of the accused subjected to restraint

measures. The author deals with such restraint measures as restricted residence and a promise of proper behavior, house arrest, detention. Conclusions and suggestions are made to advance the legislation and practical application of the above-mentioned measures.

In accordance with the Constitution of the Republic of Belarus, restriction of individual rights and freedoms is provided only in cases and in a manner consistent with the law. One of such cases, envisaged by the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus (further – the CPC), is the application of restraint measures to the suspect and the accused (further – the accused) to secure the pretrial investigation and criminal proceedings, as well as the sentence enforcement.

The most commonly used restraint measure is restricted residence and a promise of proper behavior (in 2015, 29 935 people or 62.3 % of the accused were subjected to this measure). The second place traditionally belongs to detention (in 2015, it was applied to 13,447 people – 27.9 %). House arrest, although rarely used in practice (in 2015, 527 of the accused or 1.2 % were subjected to this measure), in the hierarchy of restraint measures ranks second in the degree of isolation of the accused from society, limiting their freedom of location and movement, being second only to detention. It is important to note that house arrest is not always approved by specialists. Some of them identify it with restricted residence and a promise of proper behavior [10]. Others understand house arrest as an alternative to detention [2, p. 32; 3, p. 179] or its variety [4, p. 99], when the accused are subject to the same restrictions in the conditions of home comfort [5, p. 8]. While we do not share the aforementioned views, we would like to point out that the definition of the alternative is “the need to choose between two or more mutually exclusive options” [6, p. 33]. House arrest cannot be considered as an alternative to detention due to the identical legal regulation of the terms, order and period of their application. In addition, the above-mentioned restraint measures differ greatly in the essence, scope and nature of the restrictions the accused are subjected to.

Thus, detention (taking into custody) means complete isolation of the accused from society by placing them in a special custodial institution under constant supervision and security. Due to the physical isolation of the accused, this restraint measure can be regarded as deprivation of liberty. House arrest is a special case of such deprivation, manifested in the restriction of the freedom of movement and the location of the accused. It differs from the deprivation of liberty in the number of restrictions, which the person under house arrest is subjected to. The main restriction for the accused under the house arrest is the prohibition to leave the place around the clock or at a certain time. This restriction provides the complete or partial isolation of the accused

from society by prohibiting them to leave the place of residence. The latter makes it possible to ensure proper behavior of the persons during the criminal proceedings without placing them in the detention center. Therefore, we cannot agree with the authors of the commentary to the CPC, who treat house arrest as an isolation of a person from society, having in mind limitation or deprivation of the person's ability to contact other people [7, p. 331].

In practice, investigators prefer prohibiting the accused to leave the place of residence at a certain time using various options: in 82.7 % of the surveyed cases of house arrest, it was prohibited to leave the house at a certain time, 9.4 % – in the evening (at night). Such approaches are traced in foreign practice: for example, in France, a person cannot leave the house in the evening and on Sundays; in Spain – on weekends; in the United States, if the accused faithfully complies with the prescribed rules, they may be allowed to leave the house for a while, and for non-working persons certain periods are prescribed when they may be out.

Partial isolation of the accused under house arrest has its advantages, since the prohibition to leave the place of residence around the clock deprives the accused of an opportunity to work, support themselves, and in some cases – support the members of the families. Those detained receive food, medical care and are supported from the Republican budget, and the time spent in the pretrial detention center is taken into account when assigning a pension, which is not allowed in case of the house arrest. The house arrest and detention involve the restriction of the freedom of the accused on the access to information, the extent of such restriction being different. Thus, during house arrest telephone conversations, correspondence exchange and the use of communication facilities, contact with certain persons are prohibited (ii. 2, 3 P. 2 Art. 125 of the CPC), which largely isolates the accused from the outside world, and leads to their “information isolation” [1, p. 10]. At the same time persons held in custody are entitled to visits of close relatives and family members, receiving parcels, deliveries, sending and receiving money orders, written correspondence without limits on the number of telegrams and letters received and sent. Thus, the similarity of house arrest and detention lies in the fact of isolation of the accused from society, the difference being in the degree of such isolation and the extent of the restrictions imposed.

Since we disagree with the authors who suggest prohibiting the accused to leave the house around the clock in each case of the house arrest [8, p. 230], we would like to stress that the degree of severity of the isolation regime for the accused can be different – ranging from a complete ban on leaving the house, or leaving it at a certain time, to the permission to have short-term absences. A similar view is held by the authors of the commentary to the CPC [7, pp. 331–332] and by 67.4 % of the interviewed practical

workers, who are against the provision of leaving the place of residence at a certain time. The approach correlates with the interpretation of house arrest in the Human Rights Dictionary, where this measure is defined as a restriction on the freedom of movement when a person cannot leave the house, except when authorized officially [9]. At the same time, the CPC contains two mutually exclusive options for the ban on leaving the house, which leads us to the conclusion that the norms should be defined as discrete ones (i. 1 P. 2 Art. 125).

Some authors identify the house arrest with restricted residence and a promise of proper behaviour by obliging the accused not to leave their place of residence without the permission of the prosecuting bodies [10, p. 98]. Traditionally, the criminal prosecuting authority in its ruling specifies the address where the accused resides permanently or temporarily in the written undertaking on restricted residence with a promise of proper behaviour. In other words, when signing restricted residence and a promise of proper behaviour, the accused is not allowed to leave the place of residence. However, in this case, the restraint measure is transformed into a different one – the house arrest. This misconception is understandable, since Art. 120 of the CPC does not give an answer to the question if restricted residence and a promise of proper behaviour means a ban on leaving the region, district, city or even moving from one apartment to another in the same area. This leads us to the conclusion that the legislative design of P. 1 Art. 120 of the CPC needs to be perfected: it should focus not on the permanent or temporary place of residence of the accused, but on the area or locality where the accused lives. This proposal is consistent with the interpretation of “residence”, specified in the Decree of the President of the Republic of Belarus of 07.09.2007 No. 413 “On the perfection of the system of citizens’ registration at the place of residence and place of stay”, where “the place of residence and place of stay” mean the location of the premises (address), the right of possession, disposition, and (or) the right of use, which a citizen is entitled to on the grounds provided by law, and where they permanently or predominantly reside.

The restricted residence and a promise of proper behavior implies obliging the accused not to obstruct the investigation of the criminal case and the court proceeding, to appear when summoned by the prosecuting body. It is to be noted that these obligations do not have restrictive character, the former is identical to the application of any restraint measure, while the latter is a question of the procedural obligation of the accused, including those persons to whom the restraint measure is not applied. This restraint measure provides no restrictions concerning work (study), the regime of spending free time, movement, staying out of the house. It can be deduced that the written undertaking not to leave the place of residence, a promise of proper behavior and

house arrest as restraint measures have significant differences, both in their legal nature and in restrictions on freedom of movement and other constitutional rights and freedoms of the person.

To conclude, we would like to note that, despite some apparent similar features, restricted residence and a promise of proper behavior, house arrest and detention are autonomous restraint measures, which have their own peculiarities in terms and a manner of application. Our suggestions are aimed at eliminating legal lacunas in the regulation of the above-mentioned restraint measures and protecting the rights and legitimate interests of persons subjected to such measures.

Иванов В. В.

Использование современных технологий в уголовном процессе: польза и риски

Рассматриваются вопросы, возникающие при использовании в судопроизводстве по уголовным делам достижений научно-технического прогресса. Неоспоримая польза и возможные риски, сопровождающие применение нововведений, показаны на примере компьютеризации нашего общества в целом и сферы уголовного судопроизводства. Отдельное внимание уделено изменениям законодательства, произошедшим летом 2017 г., закрепившим возможность ведения не только видеозаписи судебных заседаний, но и их трансляций в интернете.

Внедрение достижений научно-технического прогресса в судопроизводство традиционно встречает не только одобрение среди большинства прогрессивно мыслящих правоприменителей, но и опасения у консервативно настроенных людей. Примеров тому можно привести немало. Только за два последних десятилетия можно вспомнить произошедшую компьютеризацию органов предварительного расследования и судов, появление в быту и внедрение в судопроизводство цифровой фотографии, активное распространение компьютерных сетей, в том числе сети Интернет и др. В то же время появление таких нововведений несет в себе не только преимущества, но и риски при их использовании. Появление компьютерных баз данных и оцифровка колоссального массива информации, хранившегося ранее на бумажных носителях, существенно повысили эффективность работы по ряду направлений. Так, данные криминалистических учетов ранее судимых лиц, без вести пропавших граждан, дактилоскопические учеты и т. п. стали доступны сотрудникам правоохранительных органов за считанные минуты. Цифровая фотография и видеозапись, существенно упростившие процесс фиксации хода и результатов следственных действий, пришли на смену традиционной фотографии, позволив сэкономить и